

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

В тине адвокатуры

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г29

Гейнце Н.

Г29 В тине адвокатуры / Н. Гейнце. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 680 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77645-0

Это история восхождения к богатству и падения Н. Г. Гишфельда, адвоката, не брезгующего никакими средствами для достижения своей цели.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77645-0

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая
ЖРЕЦЫ ВААЛА

*На французском масле.
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.*

Н. Некрасов

Ж

Молодой волчонок

— Станция Ломовис, поезд стоит три минуты! — зычным голосом прокричал обер-кондуктор, соскочив на станционную платформу, у которой поезд, уже останавливаясь, замедлил ход и, наконец, остановился совершенно.

Из вагона второго класса вышел только один пассажир, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, но стройный, шатен с бледным, выразительным лицом и умными карими глазами, уверенно смотревшими через золотое пенсне, крепко сидевшее на правильном, с маленькой горбинкой носу. Небольшие усики оттеняли толстые, чувственные губы. Одет он было в светло-серую летнюю пару и таковую же крылатку, на голове была маленькая, с узкими полями, шляпа из черного фетра, в правой руке он держал изящный зонтик, а в левой — дорожный сак.

Одновременно с выходом пассажира, из багажного вагона был выброшен большой чемодан желтой кожи.

Это было в половине июня 187* года.

— Возьми, любезный, мой багаж, — обратился прибывший к железнодорожному сторожу, подавая ему багажную квитанцию и указывая на лежавший на платформе чемодан.

Сторож бросился исполнять приказание.

Раздался свисток обер-кондуктора и поезд отправился далее.

Сторож, с чемоданом в руках, стоял около оставшегося пассажира.

— Лошадей прикажете?

— Из имения князя Шестова разве не прислано экипажа?

— Под учителя?

— Ну, да, под учителя! — поморщился пассажир.

— Часа три как коляска дожидается, кучер в станционной кухне спит...

— Так пойдя, разбуди его, чемодан положи в экипаж и вели подавать.

Сторож исчез.

Путешественник вошел на станцию и опустился в ожидании посланного на один из деревянных диванов, стоявших по стенам. Воспользуемся временем его ожидания, чтобы представить его читателям.

Кандидат прав Николай Леопольдович Гиршфельд, сдавший выпускной экзамен в московском университете и представивший кандидатскую диссертацию на тему: «Деньги как экономическая сила», был молодой человек, подающий, как говорится, блестящие надежды.

Большинство такого рода молодых людей так и остается до конца дней живота своего подающими надежды, некоторые из них вскоре обращаются в безнадежных. Но Николай Леопольдович был из молодых да ранний, и с первого взгляда на него можно было, не будучи пророком, предсказать, что он не пропадет и спокойно дойдет до раз им намеченной цели... Цель эта, впрочем, вся исчерпывалась рефреном известных куплетов:

«Ничего, кроме денег, не надо»!

Деньги, — рассуждал, конечно, сам с собою, еще на гимназической скамейке Николай Леопольдович, сила. За деньги я куплю себе все: уважение, славу, почет... Звон презренного металла это благовест на колокольне современного храма золотого тельца, — повторял он с восторгом где-то слышанную им фразу.

Самый выбор темы для кандидатской диссертации указывал, что университетский курс не сбил его с раз намеченной дороги, что

из-под крова храма науки вышел еще неоперившийся орел-стервятник, будущий жрец Ваала или попросту делец-акула.

Было ли это следствием его происхождения от колена Левитова (отец его, хотя и был лютеранином, но происходил из немецких евреев), или же он был просто продуктом современного жидовствующего веяния времени? Решить этот вопрос затруднительно. Отец его, бедный учитель музыки, упорно отрицал свое семитическое происхождение. Сын же, наоборот, громко заявлял, что с большим удовольствием готов причислить себя к потомкам Израиля, чем к утопающей в своем глубокомыслии немецкой нации.

«Все гениальные люди — евреи»... — парадоксально подтверждал он свои симпатии к этому народу.

Он забывал при этом другой, более близкий к истине парадокс: «все евреи — гениальные мошенники».

Одно лишь обстоятельство останавливало этого молодого волчка снять овечью шкуру — это бедность.

Грошевые студенческие уроки и небольшие суммы, которые он, буквально, вымогал у своих, перебивающихся с хлеба на квас, родителей, единственным сыном, единственной надеждой и единственной радостью которых был, едва хватали ему на изящный костюм, необходимый для поддержания знакомства с богатыми товарищами (он был знаком только с такими) и на другие нужды этого далеко не дешево обходящегося общества.

Приходилось все-таки со скрежетом зубовным отказывать себе во многом...

— Все верну, сторицей верну... — утешал себя Николай Леопольдович, — только бы дотянуть до диплома.

Когда эта желанная бумага была получена и положена в карман, и он, высоко подняв голову, вышел из правления университета, жизнь представлялась ему заманчивой картиной...

Поскорее бы только занять место за этим пиром, который, по выражению эпикурейцев, надо оставить только насытившись, но как это сделать?

Конечно, за этим пиром желанные гости, ведущие себя как дома — адвокаты...

Он давно принял решение причислиться к их сонму...

Достав рекомендательное письмо к одному из московских светил, он без труда, недели в две, был зачислен к нему в помощники.

Там уж поприще широко!
Знай работай, да не трусь!
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь...

Это стихотворение народного поэта не выходило из головы Николая Леопольдовича.

— Но как вступить на это широкое поприще без денег? Необходима квартира, изящная обстановка. Без этого не вотрешь очков доверителю, без этого нельзя сказать ему с апломбом: «Не твой рубль, а мой рубль», — и положить этот чужой рубль в свой карман на законном основании.

Попробовал было он позондировать дражайших родителей, но увы, собранные ими для будущего светила адвокатуры крохи были каплею в море предначертанных расходов для твердой постановки карьеры.

Жениться! — мелькнуло в голове Ликолая Леопольдовича, но он тотчас же отбросил эту мысль. Не то, чтобы он не хотел продавать себя. Ничуть. Он продал бы себя даже по фунтам, если бы это было возможно. Он боялся продешевить себя.

Если бы пристроиться к какой-нибудь богатой старушке или еще лучше к замужней женщине средних лет... — мечтал он, глотая слюнки от одного предвкушения благ земных, имеющихся очутиться в его власти в подобном положении.

Случай ему благоприятствовал.

